

О русских переводах гносеологической терминологии Аристотеля

Е.В. ОРЛОВ

Современные читатели в большинстве случаев знакомятся с философией Аристотеля в переводах его сочинений на русский, английский, немецкий и другие языки. Эти переводы могут как помогать, так и затруднять понимание философии Аристотеля. Проблема философского перевода многогранна. Одна из важнейших составляющих этой проблемы – представление на языке перевода словаря ключевых философских терминов Философа. Мы бы хотели рассмотреть русские переводы трех ключевых для аристотелевского учения о познании «философских слов»: ἡ ἐπιστήμη (знание, разумение), ἡ γνῶσις (познание) и ἡ γνῶσις (узнавание).

I

Ἡ ἐπιστήμη – знание и разумение

Оксфордский университет с 1960-х гг. и по сей день осуществляет проект «Аристотелевская серия “Кларендон”» (*Clarendon Aristotle Series*), в рамках которого издаются «более точные» переводы (с пространными комментариями) трактатов Аристотеля. Эти переводы «более точны» по сравнению с ранее изданными «Оксфордскими переводами» Аристотеля. Уточнения переводов этой серии состоят, в частности, в том, что одному и тому же философски важному греческому слову, как правило, подбирается один и тот же английский эквивалент, и тем самым переводы выполняются более «последовательно» и более «стандартно».

В 1975 г. в «Аристотелевской серии “Кларендон”» вышел перевод Дж. Барнса «Второй аналитики», в котором Дж. Барнс перевел ἐπίστασθαι как *understand*¹. Вообще традиционный английский перевод ἡ ἐπιστήμη (глагольная форма – ἐπίστασθαι) – *scientific knowledge* (научное знание). По свидетельству М. Бёрнхита, Дж. Барнс отошел от традиционного перевода только для того, чтобы различить при переводе εἰδέναι (*know*), ἐπίστασθαι (*understand*) и γινώσκειν (*be aware of*) и тем самым избежать «круг» в аристотелевских определениях (возникающий без этих различий)².

Сам же М. Бёрнхит пошел дальше, – в статье «Аристотель о разумеющем знании» он представил концепцию, согласно которой аристотелевская *ἐπιστήμη* есть именно *understanding*³. М. Бёрнхит исходит из того, что «Вторая аналитика» Аристотеля затрагивает проблемы, которые сегодня рассматривают как в философии науки, так и в эпистемологии. Если первая рассматривает науку как определенную систему пропозиций, то последняя рассматривает познавательный уклад (*cognitive state*) субъекта познания, с помощью которого наука создается. Он полагает, что аристотелевская *ἐπιστήμη*, центральное понятие «Второй аналитики», так же как английское *knowledge*, может указывать как на познавательный уклад, так и на науку как систему пропозиций. Более того, М. Бёрнхит учел дилемму, которая обсуждается комментаторами последние десятилетия: как следует истолковывать аристотелевскую *ἐπιστήμη*? как *justification* (обоснование, оправдание) или *explanation* (объяснение)? В результате он принял для *ἐπιστήμη* как познавательного уклада, призванного *объяснять*, т.е. находить причину присущности одного другому, перевод, предложенный Дж. Барнсом – *understanding*⁴. Имеется в виду именно аристотелев-

¹ Aristotle. *Posterior Analytics* / Tr. with a Commentary by J. Barnes. Oxford: Clarendon Press, 1975 (2nd ed. 1994).

² Burnyeat M.F. Aristotle on Understanding Knowledge // Berti E. (ed.). Aristotle on Science: *The Posterior Analytics* (*Proceeding of the Eighth Symposium Aristotelicum*). Padua: Antenore, 1981. P. 103.

³ Ibid. P. 97-139.

⁴ Ibid. P. 97-102.

ское понимание *эпистемы*. М. Бёрнхит обращает особое внимание на отличие этого понимания от платоновского⁵.

Однако в немецкой философской традиции, в частности, В. Дильтеем, объяснение (*explanation*, нем. *Erklären*) и понимание (*understanding*, нем. *Verstehen*) противопоставляются как методы наук о природе и духе. М. Бёрнхит поясняет, что *understanding* как греч. ἡ ἐπιστήμη (у Аристотеля) и как нем. *Verstehen* (у В. Дильтея) – не одно и то же. При этом он считает, что каждый язык, каждая философская традиция должны найти собственные языковые выражения для передачи соответствующих смыслов⁶.

Мы считаем, что в русских переводах можно использовать два разных слова: «разумение» (*understanding* как ἡ ἐπιστήμη) и «понимание» (*understanding* как *Verstehen*). Английское *understanding* переведено как «разумение» в русском переводе знаменитой книги Дж. Локка «Опыт о человеческом разумении» (*An Essay concerning Human Understanding*). Эпистемология Дж. Локка отличается от эпистемологии Аристотеля, однако во многом Дж. Локк стремился по-своему ответить на те же вопросы, на которые в свое время ответил Аристотель. Мы уже переводили ἡ ἐπιστήμη (*эпистема*) как «разумение» в нашей книге «Кафолическое в теоретической философии Аристотеля» и последующих публикациях⁷.

Русским глаголом «понимать» (сущ. - понимание) мы предлагаем переводить греч. ξυνιέναι (сущ. - ἡ σύνεσις). Это греческое слово переводится в существующих переводах по-разному (см. табл. 1⁸):

Таблица 1.

ξυνιέναι – понимать, ἡ σύνεσις – понимание				
	<i>An. Post. I 1, 71a13</i>	<i>An. Post. I 2, 71b32</i>	<i>An. Post. I 10, 76b37</i>	<i>EN VI x, 1142b34</i>
Росс У.Д.	–	–	–	understanding
Фохт Б.А.	знать	понимать	понимать	–
Барнс Дж.	grasp	grasp	grasp	–
Микеладзе З.Н.	уразуметь	понимать	понимать	–
Радлов Э.Л.	–	–	–	рассудительность
Брагинская Н.В.	–	–	–	соображение

Какой «момент» познавательной, или шире, мыслительной деятельности имеет в виду Аристотель, употребляя формы глагола ξυνιέναι (или же производное существительное - ἡ σύνεσις)? В «Никомаховой этике» (*EN VI x 1142b34-1143a8*) он поясняет, что σύνεσις (понимание) не есть ни *эпистема* (знание - разумение), ни *мнение*, ни *фронесис* (ἡ φρόνησις, рассудительность). Последнее различие (с *рассудительностью*) сразу позволяет отказаться от перевода Э.Л. Радлова (т.е. от перевода σύνεσις как «рассудительность»), ибо перевод φρόνησις как «рассудительность» принимается и Б.А. Фохтом, и З.Н. Микеладзе, и Н.В. Брагинской (ср. их переводы *An. Post. I 33, 89b8* и *EN VI v, 1140a24*). Более того, этот перевод освящен церковно-славянской традицией, и нет оснований отказываться от него. Перевод φρόνησις как «рассудительность» может вызвать некоторые сомнения у переводчиков Платона. Платон, судя по всему, отчетливо не различал «ум» и «рассудительность» (т.е. говоря словами Канта – «теоретический и практический разум»), нередко называя то и другое словом φρόνησις. Хотя даже в случае Платона можно было бы переводить φρόνησις как «рассудительность», поясняя при этом в примечаниях особенность позиции Платона.

⁵ Ibid. P. 104-105.

⁶ Ibid. P. 107.

⁷ Орлов Е.В. Кафолическое в теоретической философии Аристотеля. Новосибирск: Наука, 1996. С. 17.

⁸ Пер. У.Д. Росса см. в кн.: *The works of Aristotle*. Chicago: Encyclopaedia Britannica, Inc., 1952. Vol. 1-2. // Great Books of Western World. Vol. 8-9. Пер. Б.А. Фохта см. в кн.: *Aristotle*. Аналитика первая и вторая. М.: Госполитиздат, 1952. Пер. Дж. Барнса см. в кн.: *Aristotle*. Posterior Analytics... Пер. З.Н. Микеладзе см. в кн.: *Aristotle*. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1975-1984. 1978. Т. 2. С. 255-346. Пер. Э.Л. Радлова см. в кн.: *Aristotle*. Этика: Политика: Риторика: Поэтика: Категории. Минск: Литература, 1998. С. 139-408. Пер. Н.В. Брагинской см. в кн.: *Aristotle*. Соч.: В 4 т. ... 1984. Т. 4. С. 53-293.

Далее Аристотель поясняет (*EN VI x*, 1143a11-16):

... «Понимать» (ὑπινέναι) применительно к *эпистеме* сказывается как «усваивать [при обучении]» (τὸ μανθάνειν), так же [«понимать» сказывается как] «судить» (τὸ κρίνειν) применительно к мнению о том, о чем [судит] рассудительность (ἡ φρόνησις), когда говорит иной [человек], и причем «судить хорошо»...⁹

В данном случае Аристотель говорит, что «понимание» присутствует и в «разумении» (*эпистеме*), и в «рассудительности». Нас будет интересовать прежде всего «понимание» (σύνεσις), сопряженное с «разумением». Именно это «понимание» Аристотель поясняет через «усвоение при обучении». Причем, последнее пояснение он преподает как основное (*EN VI x*, 1143a16-18):

Отсюда, [т.е.] из усвоения [при обучении] (ἐκ τῆς ἐν τῷ μανθάνειν), и пришло слово «понимание» (ἡ σύνεσις), которым [мы называем людей] «хорошо понимающими» (εὖσύνετοι); ибо [именно] «усвоение [при обучении]» (τὸ μανθάνειν) мы часто называем «пониманием» (ὑπινέναι).

В трактате «О софистических опровержениях» Аристотель, вслед за платоновским «Евтидемом» (275d2-278a7), рассматривает софизм, связанный с глаголом μανθάνειν (учиться, или же усваивать при обучении). Если перевести μανθάνειν как «учиться», то софизм будет выглядеть так (*Soph. El.* 4, 165b31-32):

Знающие учатся, ибо грамматика учатся, устно излагая [свои знания].

А если перевести μανθάνειν как «усваивать» (при обучении), то этот же софизм примет такой вид:

...Знающие усваивают, ибо грамматика усваивают, устно излагая [свои знания].

Аристотель «классифицирует» этот софизм как софизм «от словесного выражения» (παρὰ τὴν λέξιν), а именно «от омонимии» (*Soph. El.* 4, 165b32-34):

Ибо «усваивать» (τὸ μανθάνειν) – омоним, [означает] «понимать (τὸ ὑπινέναι), пользуясь знанием (χρόμενον τῇ ἐπιστήμῃ)» и «принимать [т.е. приобретать] знание (τὸ λαμβάνειν ἐπιστήμην)».

Двусмысленность слова μανθάνειν дает возможность двусмысленно высказывать «грамматика учатся (или же усваивают)»: на самом деле грамматика, будучи учителями грамматика, «понимают» свой предмет, а софисты акцентируют внимание на втором смысле: грамматика, обучая других, сами «приобретают знания».

М.И. Иткин переводит в данном случае τὸ ὑπινέναι именно как «понимать»¹⁰. Н.В. Брагинская, как мы показали в табл. 1, переводит в *EN* σύνεσις как «соображение». Однако она, используя перевод «соображение», соглашается с тем, что «synesis ... можно передать и как “понимание”»¹¹. Б.А. Фохт и З.Н. Микеладзе переводят ὑπινέναι как «понимать», но не всегда. В то же время они используют этот же перевод и для других древнегреческих слов, например: в *An. Post.* I 34, 89b12 как «понимать» они перевели ἐννοέω, а в *An. Post.* II 19, 100a2 – ὁ λόγος. Для «более точных» переводов такая «практика» нежелательна. Если мы приняли для философского языка Аристотеля глагол «понимать» как эквивалент ὑπινέναι, его не надо использовать для перевода других слов.

Ἡ μάθησις - «усвоение [при обучении]» (а также «учеба», «наука», «знание») – слово скорее из платоновского «словаря», чем из аристотелевского. Аристотель чаще предпочитает говорить раздельно о ὑπινέναι (понимании) и λαμβάνειν (принятии, приобретении). На глагол λαμβάνειν в аристотелевском «философском словаре» следует обращать внимание не меньшее, если не большее, чем на глагол ὑπινέναι. Аристотель активно использует глагол λαμβάνειν и производные от него словоформы ἡ λήψις, ὑπολαμβάνω и ἡ ὑπόληψις, προὑπολαμβάνω, а также некоторые другие. Существующие переводы слова ἡ ὑπόληψις мы представили в табл. 2¹².

⁹ Переводы здесь и далее автора.

¹⁰ *Аристотель*. Соч.: В 4 т. ... 1978. Т. 2. С. 533-593.

¹¹ *Аристотель*. Соч.: В 4 т. ... 1984. Т. 4. Прим. 46 к *EN VI*.

¹² Пер. Э.Л. Радлова см. в кн.: *Аристотель*. Этика: Политика: Риторика: Поэтика: Категории... Пер. А.Ф. Лосева см. в кн.: *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. С. 713-714. Пер. А.В. Кубицкого см. в кн.: *Аристотель*. Метафизика / Пер. А.В. Кубицкого. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. Пер. У.Д.

Таблица 2.

ἡ ὑπόληψις (ὑπολαμβάνω)				
	<i>Top. IV 4-5</i>	<i>An. Post. I 33</i>	<i>Met. I 1, 981a5-7</i>	<i>EN VI iii, vi</i>
Радлов Э.Л.	–	–	–	предположение предполагать схватывание
Лосев А.Ф.	–	–	допущение	–
Кубицкий А.В.	–	–	взгляд	–
Росс У.Д.	–	–	judgement	–
Фохт Б.А.	–	принятие предполагать	–	–
Апостол Г.Г.	–	–	belief	–
Барнс Дж.	–	belief believe	–	–
Иткин М.И.	постижение 125a10 мнение - 125b35	–	взгляд	–
Микеладзе З.Н.	–	схватывание принятие предполагать	–	–
Брагинская Н.В.	–	–	–	предположение предполагать представление

Во всех контекстах, учтенных в табл. 2, Аристотель имеет в виду одно и то же «мыслительное действие», которое мы бы, вслед за А.Ф. Лосевым, предпочли именовать как «допущение». Слово «предположение», которое используется в переводах Э. Радлова и Н. В. Брагинской, а в форме глагола «предполагать» Б.А. Фохтом и З.Н. Микеладзе, с нашей точки зрения, в большей степени соответствует слову ἡ ὑπόθεσις (гипотеза). Слово «гипотеза» входит в «философский словарь» Аристотеля. Оно ему досталось, судя по всему, «по наследству» от Платона. Б.А. Фохт и З.Н. Микеладзе переводят ἡ ὑπόθεσις (гипотеза) у Аристотеля как «предположение» (*An. Post. I 2, 72a18-24*). Вопрос – как соотносятся между собою аристотелевские «гипотезы-предположения» и «допущения», а также аристотелевские и платоновские «гипотезы-предположения» – мог бы стать темой специального исследования.

Мы бы предпочли также переводить как «допущение» только существительное ὑπόληψις, а глаголы λαμβάνω и ὑπολαμβάνω переводить как «принимать». Может быть, это излишняя предосторожность, а может быть, и не излишняя. Требуется специальное исследование. Дело в том, что Аристотель, судя по всему, употребляет существительное ὑπόληψις только в связи с «допущением» непосредственных посылок силлогизмов, а вышеназванные глаголы не только в связи с посылками.

Чтобы прояснить аристотелевское *техническое* употребление слов «понимать», «принимать» и «допущение», надо обратиться к началам *эпистемы* (разумения). Согласно *An. Post. I 2* (и *I 7-10*) начала доказывающего разумения (доказывающей *эпистемы*) включают в себя: (1) аксиомы, (2) определения значений терминов, (3) принятие (λαμβάνειν) бытия рода, подлежащего доказательству (или бытия начал этого рода), (4) первые непосредственные послылки доказывающих силлогизмов.

«Значения терминов», во-первых, «понимаются», а во-вторых, «принимаются». Поэтому можно сказать, что человек, «разумая», «понимает», т.е. «понимает» термины, посредством которых он «разумает» присущность одного другому. «Принимаются» же из вышеперечисленных начал «аксиомы» и «бытие рода, подлежащего доказательству». Под «родом, подлежащим доказательству» имеется в виду определенная «предметная об-

Росса см. в кн.: *The works of Aristotle...* Пер. Б.А. Фохта см. в кн.: *Аристотель*. Аналитика первая и вторая... Пер. Г.Г. Апостола см. в кн.: *Aristotle's Metaphysics / Tr. by H.G. Apostle. Grinnell (Iowa): The Peripatetic Press, 1979.* Пер. Дж. Барнса см. в кн.: *Aristotle. Posterior Analytics...* Пер. М.И. Иткина см. в кн.: *Аристотель*. Соч.: В 4 т. ... 1978. Т. 2. Пер. З.Н. Микеладзе см. в кн.: *Аристотель*. Соч.: В 4 т. ... Пер. Н.В. Брагинской см. в кн.: *Аристотель*. Соч.: В 4 т. ...

ласть». В трактате «О душе» Аристотель вводит глагол «принимать» в определение «ума»: «...Умом же называю то, чем душа *размышляет* и *принимает* (ὕπολαμβάνει)» (III 4, 429a23). А «допускаются» (как «допущения») непосредственные посылки силлогизма.

Для понимания «допущения» важно учитывать аристотелевскую дистинкцию «недоказываемой эпистемы» и «эпистемы». «Эпистема» – доказывающий силлогизм. «Недоказываемая эпистема» – первая непосредственная посылка доказывающего силлогизма. Об этом Аристотель пишет в *An. Post.* I 33. В этой главе Аристотель различает два варианта «допущения непосредственных посылок»: допущение того, что может быть иначе, т.е. не-необходимого (мнение, δόξα - 89a2-4), и допущение того, что не может быть иначе, т.е. необходимо (недоказываемая *эпистема*, ἐπιστήμη ἀναπόδεικτος - 88b30-32, 35-37). Получается, что эпистема (прежде всего недоказываемая) оказывается видом допущения, а другим видом допущения оказывается мнение; «допущение» же может выступать для «эпистемы» в качестве рода. Аристотель принимает «допущение» в качестве рода «эпистемы» в *EN VI vi*.

«Допущение» как род для «эпистемы» подчинено «более высокому роду», в качестве которого Аристотель принимает «познавательный уклад души». Так, в «Топике» Аристотель относит «эпистему» к категории «отношение» (πρός τι) (IV 1, 120b36-121a9), а в качестве рода принимает для нее «уклад и расположение» (ἔξις и διάθεσις) (IV 1, 121b24-122a2). При этом он рассматривает «эпистему» в двух «отношениях»: как вид (т.е. как «эпистема») она «относится» к тому, что стало или может стать ее предметом, а ее род (т.е. как «уклад») «относится» к душе (IV 4, 124b32-34):

...Не необходимо, чтобы [вид] сам по себе и по роду говорил относительно (πρός) того же: ибо «разумение» (ἐπιστήμη) говорится относительно «разумеющегося» (ἐπιστητόν), а «уклад» (ἔξις) и «расположение» (διάθεσις) [говорятся относительно] не «разумеющегося» (ἐπιστητόν), а души.

Именно это обстоятельство по-своему учитывает М. Бёрнхит, когда пишет, что содержание «Второй аналитики» Аристотеля имеет отношение и к философии науки, и к эпистемологии, а «эпистема» указывает и на науку как определенную систему пропозиций, и на познавательный уклад субъекта познания. Именно это обстоятельство, с нашей точки зрения, в большей степени, чем «дебаты по поводу *justification-обоснование* и *explanation-объяснение*», делает уместным двойной перевод ἡ ἐπιστήμη на русский язык (на языке «теории перевода» – двухвариантная эквивалентность): как «знание» (когда имеется в виду «эпистема», соотнесенная со своим предметом), и как «разумение» (когда имеется в виду «эпистема» как познавательный уклад души). Напомним, что «эпистема» в ее отношении к своему «предмету», т.е. как «знание», есть доказывающий силлогизм. А вопрос о познавательных укладах души мы рассмотрели в статье «Аристотель об *опыте* и *уме* во «Второй аналитике» II 19»¹³.

Определенная проблема с переводом возникает в том случае, когда Аристотель говорит о том, с чем соотнесена «эпистема». Просто сказать, что она соотнесена со своим «предметом», не совсем правильно. По-гречески то, с чем соотнесена «эпистема», – ἐπιστητόν, т.е. «знаемое», или же «разумеющееся». Дело в том, что философское имя «предмет» указывает на то, что уже стало «предметом» познания, а Аристотель имеет в виду то, что или уже стало предметом познания, или может стать им. В этом смысле даже слово «знаемое» вызывает сомнение, поскольку оно также указывает на то, что уже «знаемо». Слово «разумеющееся» оказывается лишенным этого «недостатка», так как «разумеющимся» мы можем назвать как то, что уже «разумеется», так и то, что может стать «разумеющимся». Поэтому аристотелевское соотнесение «эпистемы» с тем, с чем она соотносится, на русский язык удобней и «точнее» переводить как «разумение разумеющегося» (у Аристотеля встречаются аналогичные соотнесения «чувственного восприятия и чувственно воспринимаемого», «допущения и допускаемого», «мнения и мнимого» и т.д.). Так что в некоторых контекстах удобней переводить как «разумение» не только «эписте-

¹³ Орлов Е.В. Аристотель об *опыте* и *уме* во «Второй аналитике» II 19 // Историко-философский ежегодник. 2002. М.: Наука, 2003. С. 35-36.

му» как познавательный уклад души, но и «эпистему» как соотношенную со своим «предметом». Хотя при всем при том для некоторых контекстов следует оставить «в силе» и перевод «знание».

Мы бы хотели также подчеркнуть значение того момента познания, на который Аристотель указывает глаголом οἴομαι, и который мы предпочитаем переводить как «думать». Приведем примеры аристотелевских употреблений этого глагола:

An. Post. I 2, 71b9-16: Мы *думаем* (οἴομεθ'), что разумеем (ἐπίστασθαι) каждую [вещь] просто, а не софистическим способом по совпадению, когда мы *думали бы* (οἴομεθα), что познаем (γινώσκειν) причину, из-за которой вещь *есть*, что [она] ее причина, и [что] иначе быть не может.

An. Post. I 33, 89a6-8: ...Ни один [человек] не *думает* (οἴεται), что [ему что-то] мнится (δοξάζειν), когда *думал бы* (οἴηται), [что этому «что-то»] невозможно быть иначе, но [думает, что он это «что-то»] *разумет* (ἐπίστασθαι)...

Poet. 8, 1451a19-22: Поэтому, кажется, совершают погрешность те поэты, которые сотворили такие поэмы как «Гераклеида», «Тесеида»; ибо они *думают* (οἴονται), что если Геракл един, то един и миф, касающийся его.

Существующие переводы глагола οἴομαι у Аристотеля мы представили в табл. 3¹⁴. Аристотель обозначает глаголом «думать» некий рефлексивный момент: при *разумении* мы *понимаем* значения терминов и *думаем*, что один из них обозначает именно причину, или же то, что мы допускаем, может или не может быть иначе. Получается, что одно дело «понимать» термин, другое дело «думать», что то, что он обозначает, выступает в качестве именно причины, третье дело «думать», что то, что мы «допустили», не может быть иначе (т.е. «думать», что данное «допущение» необходимо), и, наконец, четвертое дело – «разуметь» доказывающее умозаключение в целом.

Таблица 3.

Переводы οἴομαι			
	<i>An. Post.</i> I 2, 71b9-16	<i>An. Post.</i> I 33, 89a6-8	<i>Poet.</i> 8, 1451a19-22
Фохт Б.А.	думать	считать	–
Барнс Дж.	think	think	–
Микеладзе З.Н.	полагать	считать	–
Аппельрот В.Г.	–	–	полагать
Новосадский Н.И.	–	–	думать
Гаспаров М.Л.	–	–	думать

Философские лексемы «знание» и «разумение» различаются, в частности, *семами* «результат» и «процесс». Однако иногда Аристотель имеет в виду сразу и процесс, и его результат. В этом случае можно говорить и о «разумении», и о «знании», ибо эти *лексемы* становятся фактически философскими синонимами. Например, если мы скажем: *принимая* аксиомы и бытие рода, подлежащего доказательству, – *понимания* значение трех терминов и сделав посредством них два *допущения* (т.е. допустив две посылки), – *думая*, что эти *допущения* истинны и необходимы, а средний термин обозначает причину присущности обозначаемого одним крайним термином обозначаемому другим крайним термином, – мы *разумеем*, то здесь можно сказать и – мы *знаем*.

II

Ἡ γνῶσις – знание или познание?

М. Бёрнхит, соглашаясь с предложенным Дж. Барнсом переводом ἐπίστασθαι как *understand*, возражает против предложенных им же переводов εἰδέναι как *know* и γινώσκειν как *be aware of*. Мы не будем останавливаться на соответствующих доводах, представленных М. Бёрнхитом, и сразу перейдем к результату. М. Бёрнхит считает, что

¹⁴ Пер. Б.А. Фохта см. в кн.: *Аристотель. Аналитика первая и вторая ...* Пер. Дж. Барнса см. в кн.: *Aristotle. Posterior Analytics ...* Пер. З.Н. Микеладзе см. в кн.: *Аристотель. Соч.: В 4 т. ... 1978. Т. 2.* Пер. В.Г. Аппельрота см. в кн.: *Аристотель. Поэтика. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957.* Пер. Н.И. Новосадского см. в кн.: *Аристотель. Этика: Политика: Риторика: Поэтика: Категории. ... С.1013-1112.* Пер. М.Л. Гапарова см. в кн.: *Аристотель. Соч.: В 4 т. ... 1984. Т. 4. С. 645-680.*

для εἰδέναι, во-первых, нет подходящего английского эквивалента, а во-вторых, он и не нужен, ибо этот глагол у Аристотеля является взаимозаменяемым с ἐπίστασθαι (*understand*, «разуметь») и γινώσκειν, который он предлагает переводить как *know* («знать»). Так же как γινώσκειν он предлагает переводить и γνῶρίζειν (т.е. как *know*). Таким образом, М. Бёрнхит предлагает оставить для перевода ἐπίστασθαι, εἰδέναι, γινώσκειν и γνῶρίζειν два английских слова: *understand* и *know*. При этом М. Бёрнхит ограничивает применимость предложенных смысловых различий ἐπίστασθαι и εἰδέναι, γινώσκειν, γνῶρίζειν рамками «Второй аналитики» (*Post. An*)¹⁵.

Первое издание *An. Post.* в переводе и с комментариями Дж. Барнса вышло в 1975 г. Именно это издание имеет в виду М. Бёрнхит (его статья вышла в 1981 г.). В 1994 г. Дж. Барнс внес некоторые изменения во 2-е издание своего перевода, мотивируя их следующим образом: «Мой изначальный перевод включал разные английские термины для каждого из элементов аристотелевского словаря, касающегося знания. Но я больше не уверен в том, что Аристотель предполагал или чувствовал некую семантическую разницу между этими элементами, за исключением *ἐπιστήμης*; мой изначальный перевод <...> намекал на дистрикции, которые не обнаруживаются в греческом языке. Поэтому теперь слово *know* используется смешанно (*promiscuously*). Особый случай – *ἐπιστάθαι* и *ἐπιστήμη*; для них я оставляю *understand* и *understanding*. Были приведены сильные доводы в пользу того, что *ἐπιστήμη*, по крайней мере в *An. Post.*, действительно близка к нашей концепции разумения (*understanding*) и отличается от нашей концепции знания (*knowledge*), так что мой перевод счастливо, хотя и случайно, попал в истину. (См. особенно: М. Бёрнхит ...)»¹⁶.

Мы же, со своей стороны, считаем целесообразным различать при переводе греческие лексемы εἰδέναι, γινώσκειν и γνῶρίζειν. В русском языке есть идеальный эквивалент для εἰδέναι, а именно «ведать». При этом мы согласны с тем, что этот глагол не имеет у Аристотеля строгого эпистемологического смысла и может в некоторых контекстах взаимозаменяться по крайней мере с некоторыми из других глаголов, относящихся к познанию.

В то же время мы бы предпочли переводить γινώσκειν (сущ. ἡ γνῶσις; это греческое слово известно нам как «гносис») не как «знать», а как «познавать», ибо этот глагол представляет собой самое общее указание на познание как отношение познающего и познаваемого, включающее в себя все ступени познания. Аристотелевская дистрикция «знания-познания» актуализируется в связи с проблематичностью отношения чувственного восприятия и знания. Платон в диалоге «Теэтет» подробно рассматривает тезис (который он сводит к Протагору): знание (*ἐπιστήμη*) есть чувственное восприятие. Позиция Аристотеля по этому вопросу такова: чувственное восприятие есть какое-то познание (*гносис*), но не знание (*ἐπιστήμη*). В качестве примеров можно привести следующие аристотелевские строки: «...Чувственное восприятие не род для знания (*ἐπιστήμης*)» (*Top.* IV 4, 125a31-32: пер. М.И. Иткина); «ощущение есть известного рода познание (*гносис*)» (*Gen. An.* I 23, 731a33-34: пер. В.П. Карпова). Однако иногда в русских переводах можно встретить и такое: «...Ни одно из чувственных восприятий мы не считаем мудростью, хотя они и дают важнейшие знания (*гносисы*) о единичном» (*Met.* I 1, 981b13-14: пер. М.И. Иткина). В данном переводе получилось, что чувственные восприятия дают нам «знания», хотя Аристотель пишет «познания». Если следовать предложениям М. Бёрнхита, то позиция Аристотеля выглядела бы так: чувственное восприятие есть знание (*knowledge*), но не разумение (*understanding*)¹⁷.

Аристотелевская дистрикция «знания-познания» актуализируется также в связи с проблемой *предпознания* (προγινώσκειν). Эта проблема непосредственно касается аристотелевского решения апории Менона (сформулированной Платоном в диалоге «Менон»), а

¹⁵ Burnyeat M.F. Aristotle on Understanding Knowledge... P. 103-104.

¹⁶ Aristotle. Posterior Analytics... 1994. P. 82. Burnyeat M.F. Aristotle on Understanding Knowledge... P. 97-108.

¹⁷ Burnyeat M.F. Aristotle on Understanding Knowledge... P. 114.

опосредованно – многих положений философии Аристотеля. Согласно Аристотелю, всякое познание предполагает наличие некоего предпознания. Для каждой ступени познания есть свой вариант предпознания: в начале каждой ступени (для каждого метода познания) познаваемое нам как-то ведомо, а как-то нет, причем оно ведомо нам не так, как мы хотим его познать на данном уровне и данным методом. Однако в англо-американском аристотелеведении нередко высказываются сомнения по поводу корректности аристотелевской позиции по этому вопросу. Некоторых аристотелеведов смущает тот факт, что для начальной ступени познания «предпознанием» оказывается «чувственное восприятие». Дело в том, что в английских переводах «предпознание» представлено как *pre-existing knowledge* (иногда *previous knowledge*), так что «предпознание» оказывается «знанием». Отсюда и возникает сомнение: правомерно ли рассматривать чувственное восприятие, а иногда просто ощущения, в качестве «знания»?

Мы бы хотели отметить, что, высказываясь по поводу английских переводов, мы ни в коем случае не намереваемся давать «советы» англоязычным переводчикам и комментаторам. Проблема в том, что английские переводы так или иначе «проникают» в русские переводы хотя бы уже потому, что у нас принято, делая перевод того или иного античного автора, учитывать уже имеющиеся переводы на другие европейские языки, и прежде всего на английский. Поэтому для нас проблема состоит в том, как относиться к английским переводам, делая переводы на русский язык.

Рассмотрим слова и выражения, используемые Аристотелем для указания на «предпознание», и их русские переводы (см. табл. 4)¹⁸.

Таблица 4.

	Фохт Б. А.	Микеладзе З. Н.	Предлагаемый перевод
<i>An. Post. A 1</i>			
71a1-2: ἐκ προὔπαρχούσης ... γνώσεως	на [некотором] уже ранее имеющемся знании	из ранее имеющегося знания	из предпознания
71aб: διὰ προγινώσκομένων	посредством заранее известного;	посредством того, что знают	через предпознаваемое
71a11: προγινώσκειν	предшествующее знание	предварительное знание	предпознавать
<i>An. Post. A 2</i>			
71b31-32: προγινώσκόμενα	ранее известные	ранее известные	предпознаваемое
72a28: προγινώσκειν	знать заранее	знать заранее	предпознавать
72a35: μή ... προγινώσεται	не знал бы заранее	не знал бы заранее	не предпознаёт
<i>An. Post. B 19</i>			
99b29: ἐκ μὴ προὔπαρχούσης γνώσεως	не имея предшествующего познания	не имея предшествующего знания	не имея предпознания

Как видно из табл. 4, наши переводчики дают такие же переводы, как и переводчики на английский язык, т.е. представляют в своих переводах «предпознание» как «предшествующее знание» (за исключением одного случая; см. пер. Фохта в 99b29).

До сих пор мы отмечали только одну проблему, проистекающую из такого истолкования, а именно познавательную ситуацию, когда в качестве «предпознания» выступает «чувственное восприятие». Однако «список» таких проблем можно продолжить. В *An. Post. I 1*, 71a1-17 Аристотель, ведя речь о «предпознании», имеет в виду два варианта «предпознания», необходимого для доказывающего разумения (доказывающего силлогизма), а именно: «принятие» бытия чего-либо и «понимание» значения терминов. Например, для арифметики нам надо «принять», что «единица есть», а также «понимать» значение термина «единица». Ни то, ни другое само по себе не является «знанием» (пусть даже «предшествующим») как доказывающим умозаключением.

¹⁸ Пер. Б.А. Фохта см. в кн.: *Аристотель. Аналитика первая и вторая ...* Пер. З.Н. Микеладзе см. в кн.: *Аристотель. Соч.: В 4 т. ...* 1978. Т. 2.

Мы уже отметили, что, согласно Аристотелю, каждая ступень познания предполагает свое предпознание. На некоторых ступенях познания в качестве предпознания выступает именно «предшествующее знание». Поэтому, читая Аристотеля, надо внимательно смотреть, где он пишет о «предпознании», а где о «предшествующем знании». Сейчас мы рассмотрим слова и выражения, используемые Аристотелем для указания именно на «предшествующее знание», и их русские переводы (см. табл. 5):

Таблица 5.

	Фохт Б. А. ¹⁹	Микеладзе З. Н.	Предлагаемый перевод
<i>An. Pr.</i> В 21			
67a22: προέπιστάσθαι	знать заранее	знать заранее	разуметь заранее или же знать заранее
<i>An. Post.</i> А 1			
71a17: πρότερον γινώρισαντα	уже есть некоторое знание	уже имея некоторое знание	прежде узнав
71a20: προήδει	было известно уже раньше	было известно уже раньше	пред[варительно] ведал

В *An. Pr.* В 21, 67a22 речь у Аристотеля идет о том, что нельзя разуметь единичное заранее, т.е. знать единичное заранее. В *An. Post.* I 1, 71a17 Аристотель использует причастие, образованное от глагола γινώριζειν, а не ἐπίστασθαι (разуметь, знать) или γινώσκω (познавать). Перевод глагола γινώριζειν как «узнавать» мы рассмотрим в следующей части данной статьи. В *An. Post.* I 1, 71a20 Аристотель употребляет глагол προείδεναι (предведать) в значении «знать, или же разуметь, заранее». Ранее мы уже отметили, что глагол «ведать» может у Аристотеля в некоторых контекстах взаимозаменяться с некоторыми из других глаголов, относящихся к познанию, в том числе с глаголом ἐπίστασθαι. Таким образом, для указания на «предпознание» Аристотель использует лексемы, восходящие к глаголу γινώσκω, а для указания на «предшествующее знание» Аристотель использует производные формы от разных глаголов: ἐπίστασθαι (знать, разуметь), γινώριζειν (узнавать), εἰδέναι (ведать), – но только не от глагола γινώσκω (познавать).

В *An. Post.* I 1 Аристотель в 71a1-17 пишет о «предпознании», в 71a17-29 – о «предшествующем знании», а далее – непосредственно об апории Менона. Как видно из табл. 4 и 5, русские переводы никак не «реагируют» на переход от «предпознания» к «предшествующему знанию»: и то, и другое переводится как «предшествующее знание» (с некоторыми лексическими вариациями).

Вообще различие глаголов «познавать» и «знать» указывает прежде всего на различие «процесса» и «результата» познания. А если под «знанием» иметь в виду именно доказывающее умозаключение, то глагол «знать» следует связывать не со всяким «результатом», а с «результатом», полученным на определенной ступени познания. По-русски «познание» означает прежде всего «процесс», хотя отчасти может означать и «результат» (например, в высказывании: «Он вернулся домой, обогащенный многими познаниями»). Судя по всему, греческий «гносис» содержит те же *семы*. Слово же «знание» по-русски означает только «результат». Если бы мы хотели указать на «процесс», используя слово «знание», нам надо было бы добавить какой-нибудь глагол или существительное, обозначающее процесс (например: «приобрести знания», «приобретение знаний» и т.п.). Не будучи естественным носителем английского языка, трудно судить: а по-английски *know* и *knowledge* тоже указывают только на «результат» или же, хотя бы отчасти, они могут указывать и на «процесс»?

А.Л. Никифоров при переводе статьи Я. Хинтикки «Time, Truth and Knowledge in Aristotle and Other Greek Philosophers» переводит *knowledge* то как «знание», то как «познание», причем последний перевод он дает в самом названии статьи: «Время, истина и

¹⁹ Пер. Б.А. Фохта см. в кн.: *Аристотель. Аналитика первая и вторая ...* Пер. З.Н. Микеладзе см. в кн.: *Аристотель. Соч.: В 4 т. ...* 1978. Т. 2.

познание у Аристотеля и других греческих философов»²⁰. Следует ли из этого перевода, что А.Л. Никифоров усматривает в английском слове *knowledge* интересующие нас *семы*, входящие в русское «познание»? Или же он просто «поправляет» Я. Хинтикку, поскольку у Аристотеля и других греков в связи с рассматриваемой в статье проблематикой речь идет не только о «знании» (*эпистеме*), но и о «познании» (*гносисе*)?

Определенный интерес для нас могут представить «события», происходящие в англоязычном кантоведении. При их «освещении» мы воспользуемся статьей Э.В. Барбашиной «Особенности англоязычной рецепции философии И. Канта»²¹. В этой статье учитываются шесть английских переводов «Критики чистого разума»: Ф. Хайвуда (F. Haywood), 1838; М.Д. Майкледжона (M.D. Meiklejohn), 1855; Ф.М. Мюллера (F.M. Müller), 1881; Н. Кемп Смита (Kemp Smith), 1929; В. Плухара (W.S. Pluhar), 1996; П. Гайера совместно с А. Вудом (P. Guyer; A.W. Wood), 1998. На протяжении большей части XX века англоязычные читатели знакомились с «Критикой чистого разума» в основном по переводу Н. Кемп Смита. Э.В. Барбашина в своей статье уделяет наибольшее внимание сравнению именно этого перевода с двумя новыми переводами (1996 и 1998). Далее мы позволим себе довольно большую выдержку из ее статьи:

Наибольшую критику в переводе Н. Кемп Смита вызывает перевод одного из наиболее часто встречающихся ключевых терминов Канта – *Erkenntnis* (познание, сознание) и *erkennen* (познавать, осознавать) английскими словами *know* (знать), *knowledge* (знание). Более того, разные по смыслу, и не только у Канта, слова немецкого языка *erkennen* (познавать) и *wissen* (знать) были переведены Н. Кемп Смитом все тем же одним английским словом *know* (знать, соответственно *knowledge*, знание). В результате там, где у Канта речь шла о *процессе* познания, познания, узнавания, в переводе заменилось на уже свершившийся, результативный процесс или даже на само знание. Именно такой перевод *Erkenntnis* и *erkennen* был заимствован Н. Кемп Смитом из предыдущих переводов и сыграл свою роль в понимании кантовской философии <...>. Кроме того, использование одного и того же английского слова для обозначения разных процессов приводило к смысловым противоречиям в переводе Кемп Смита <...>. В последних двух переводах, выполненных Плухаром, Гайером и Вудом, уже использовались соответствующие по смыслу разные английские слова *cognize* для *erkennen* и *know* для *wissen*. Все более сложные случаи, требующие разноаспектных комментариев или интерпретаций, оговаривались в дополнительных примечаниях. Следствием проведенного исправления стало то, что дискуссии, которые велись относительно противоречий, связанных с тем, что Кант не разделял процесс познания и его результат, точно так же как обвинения в противоречивости (а она была неизбежна, поскольку одним словом назывались разные процессы, состояния и структуры) стали бессмысленными.²²

Кто знает, может быть англоязычные аристотелеведы в скором времени тоже последуют за своими «единоязычными» кантоведами? Вообще случаи, когда проблематика греческого «гносиса» обсуждается с использованием английского *cognition*, встречаются. В качестве примера можно было бы привести статью Ч. Канна «Роль ума в познании (*cognition*) начал (*first principles*) во “Второй аналитике” II 19»²³.

Возвращаясь к проблематике «предпознания», отметим, что от греческого *πρόγνωσις* образуется слово *ἡ πρόγνωσις*, известное нам как «прогноз». «Предпознание» и есть собственно «прогноз». Однако надо иметь в виду, что аристотелевский «прогноз» (т.е. *предпознание*) относится к познанию того, что *есть*, или уже *стало быть*, а современный «прогноз» относится к познанию того, что *будет*. Обращенность «прогноза» к

²⁰ Hintikka J. Time, Truth and Knowledge in Aristotle and Other Greek Philosophers // Knowledge and the Known: Historical Perspectives in Epistemology. Dordrecht – Holland, Boston – USA: D. Reidel, 1974. P. 50-79. *Рус. пер.* А.Л. Никифорова: Время, истина и познание у Аристотеля и других греческих философов // Логико-эпистемологические исследования: Сб. изб. ст. М.: Прогресс, 1980. С. 392-429.

²¹ Барбашина Э.В. Особенности англоязычной рецепции философии И. Канта // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 1. С. 63-70.

²² Барбашина Э.В. Особенности англоязычной рецепции философии И. Канта... С. 65.

²³ Kahn Ch. The Role of *Nous* in the Cognition of First Principles in *Posterior Analytics* II 19 // Berti E. (ed.). Aristotle on Science: The “Posterior Analytics” (Proceeding of the Eighth Symposium Aristotelicum). Padova: Editrice Antenore, 1981. P. 385-414.

будущему присутствует уже у Отцов Церкви. Так, Св. Иоанн Дамаскин, излагая учение Церкви о *Промысле* (περὶ προνοίας) *Божьем*, пишет (пер. А. Бронзова):

Должно знать (γινώσκειν), что Бог все наперед знает (προγινώσκει), но не все предопределяет (οὐ ... προορίζει). Ибо Он наперед знает (προγινώσκει) то, что – в нашей власти, но не предопределяет (οὐ προορίζει) этого. Ибо Он не желает, чтобы происходил порок, но не принуждает к добродетели силою. Поэтому предопределение (προορισμός) есть дело божественного повеления, соединенного с предведением (προγνωτικῆς). Но, по причине предведения (κατὰ τὴν πρόγνωσιν) Своего, Бог предопределяет (προορίζει) и то, что не находится в нашей власти. Ибо по предведению (κατὰ τὴν πρόγνωσιν) Своему Бог уже предрешил (προέκρινε) все, сообразно со Своею благодатью и правосудием.²⁴

Если говорить на «смеси греческого с нижегородским», то получилось бы, что Бог *прогнозирует*, но не *предопределяет* (то, что зависит от воли человека). А. Бронзов переводит «прогноз» как «предведение», а соответствующие глаголы как «наперед знает». Мы воздерживаемся от каких-либо оценок этих переводов, поскольку в данном случае мы имеем дело не с «философским», а с «богословским» языком, у которого свои «законы», свои «смыслы». В качестве гипотезы (которая, разумеется, требует проверки) можно было бы предположить, что на истолкование аристотелевского «предпознания» как «предшествующего знания» исторически могли повлиять истолкования и переводы творений Отцов Церкви.

В заключение этой части статьи отметим, что райское «Древо познания» по-гречески именуется «τὸ ξύλον τῆς γνώσεως», т.е. как «Древо *гносиса*», и традиционный русский перевод именно такой – «*познания*». Название творения Св. Иоанна Дамаскина, фрагмент которого мы привели выше, – «Πηγὴ γνώσεως» (т.е. «Источник *гносиса*») А. Бронзов переводит как «Источник *знания*»²⁵.

III

Γνωρίζειν – *узнавание*

Мы уже отметили, что М. Бёрнхит предлагает переводить как *know* (знать) не только γινώσκειν (познавать), но и γνωρίζειν. Мы же считаем целесообразным оставить для γνωρίζειν (и производной формы ἀναγνωρίζειν) особые переводы, а именно «узнавать» и «быть известным». Мы говорим «оставить», потому что такие переводы фактически (не всегда последовательно) имеют место в существующих и русских, и английских переводах (англ. *recognize*). Далее мы бы хотели не столько обосновать эти переводы (поскольку они уже употребляются), сколько истолковать их, т.е. показать место и роль «узнавания» в аристотелевском учении о познании.

В явном виде Аристотель пишет об «узнавании» (ἀναγνωρίζειν) в «Поэтике» (*Poet.*) в теории трагедии. В этом случае В.Г. Аппельрот, Н.И. Новосадский, М.Л. Гаспаров единодушно дают перевод «узнавание»²⁶. Напомним, что, согласно Аристотелю, всякая трагедия состоит из шести частей: мифа (μῦθος, в рус. переводах – «фабулы»), нравов (ἦθη), словесного выражения (λέξις), размышлений (διάνοια), сценической обстановки (ὄψις) и музыкальной композиции (μελοποιία) (6, 1450a7-10). Самой важной составляющей трагедии Аристотель признает «миф» (6, 1450a15). «Миф», в свою очередь, должен включать в себя «перипетии», «узнавания» (ἀναγνωρίσεις) и «страдания» (6, 1450a33-35; 11, 1452b9-10).

²⁴ Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры / Рус. пер. А. Бронзова. М.: Братство святителя Алексия. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Приазовский край». 1992. Книга вторая. Гл. XXX (44). Τοῦ ὁσίου ἀββᾶ Ἰωάννου πρεσβυτέρου Δαμασκηνοῦ Ἐκδοσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως. Αθῆναι, 2004.

²⁵ Иоанн Дамаскин... С. XII (12).

²⁶ Пер. В.Г. Аппельрота: *Аристотель. Поэтика*... Пер. Н.И. Новосадского: *Аристотель. Этика: Политика: Риторика: Поэтика: Категории*. ... С.1013-1112. Пер. М.Л. Гаспарова: *Аристотель. Соч.*: В 4 т. ... 1984. Т. 4. С. 645-680.

Об «узнавании» Аристотель пишет следующее: «Узнавание (ἀναγνώρισις) же, как означает и [само] имя, есть изменение от ἀγνοίας к γνῶσιν...» (*Poet.* 11, 1452a29-31). В.Г. Аппельрот, Н.И. Новосадский, М.Л. Гаспаров единодушно переводят «от ἀγνοίας к γνῶσιν» как «от незнания к знанию». Для тех, кто занимается *поэтикой*, возможно, все это неважно. У тех же, кто занимается теорией познания, такой перевод «вызывает вопросы». Буквально «от ἀγνοίας к γνῶσιν» означает «от непознанности к познанию». Учитывая, что «ведение» (εἰδέναι) у Аристотеля взаимозаменяемо со словами, относящимися к познанию, «от ἀγνοίας к γνῶσιν» можно было бы перевести как «от неведения к познанию». Именно так мы бы предпочли истолковать аристотелевские слова: «узнавание» есть переход от неведения к познанию.

Аристотель отмечает, что лучшее «узнавание» то, которое возникает вместе с перипетией (*Poet.* 11, 1452a32-33), но это замечание касается *поэтики*, а не гносеологии в целом, которая нас интересует. В трагедиях речь идет прежде всего об узнавании человека, но Аристотель отмечает, что «узнавать» можно и неодушевленное (1452a33-36). В *Poet.* 16 Аристотель описывает пять видов «узнавания», встречающиеся в трагедиях. Мы же рассмотрим только первый из них.

Первый вид «узнавания» – узнавание по «признакам» (ἡ διὰ τῶν σημείων) (16, 1454b19-30). Аристотель отмечает, что это «самый безыскусный» вид узнавания (он имеет в виду трагедию). Со своей стороны отметим, что для научного познания это самый основной вид «узнавания». Аристотель, во-первых, различает узнавание по «врожденным» признакам и «приобретенным» (в трагедиях речь идет, как правило, об «узнавании» человека, а не каких-либо неодушевленных предметов). А во-вторых, он отмечает, что «узнавание по признакам» может происходить двояко: или как Одиссей был узнан кормилицей, или как он же был узнан свинопасами. М.Л. Гаспаров поясняет: «Кормилица в сцене “омоления ног” (Od. XIX 386-475) узнает Одиссея по рубцу на ноге случайно, а свинопасам (XXI 205-225) Одиссей показывает свой рубец сам, чтобы они его узнали»²⁷. Это различие имеет аналог и в научном познании. Одно дело, когда исследователь «узнает» что-то, скажем так, «во внеплановом» порядке. Такое «узнавание» может привести к существенному изменению дальнейшего хода исследования, к своего рода научно-исследовательской «перипетии». Другое дело, когда речь идет, скажем, об идентификации того или иного предмета в соответствии с уже построенной классификацией. В этом случае нам надо «узнать» в данном экземпляре по каким-либо признакам представителя того или иного рода и вида. Этот случай «узнавания» Аристотель называет узнаванием «ради удостоверения» (1454b28: πίστεως ἔνεκα). Опять же он называет такое узнавание «более безыскусным», чем узнавание случайное (как в случае с узнаванием Одиссея кормилицей), но и это его замечание касается трагедии. Для научного познания «узнавание по признакам, чтобы удостовериться» в идентичности того или иного предмета, выступает в качестве одного из основных видов «узнавания».

Аристотелевская дистинкция «знания-узнавания» актуализируется в связи с проблемой *индукции* (ἡ ἐπαγωγή, наведение). Аристотелевское понимание индукции отличается от современного. Это обстоятельство приводит к тому, что в тех фрагментах, в которых речь идет об индукции, отличающейся от современной, аристотелевские упоминания «индукции» некоторыми комментаторами признаются *нетехническим словоупотреблением*. В этом вопросе мы следуем за Р. Мак-Кирэхэном, который, имея в виду спорные фрагменты в *An. Pr.* II 21, *An. Post.* I 1 и *An. Post.* II 19, утверждает, что, во-первых, речь в них идет именно об индукции, а во-вторых, аристотелевская индукция связана с «узнаванием» (γνώριζεν и производный глагол ἀναγνώριζειν)²⁸.

²⁷ Аристотель. Соч.: В 4 т. ... 1984. Т. 4. Прим. 40 к *Poet.* С. 783.

²⁸ McKirahan R.D. Aristotelian Epagoge in Prior Analytics 2.21 and Posterior Analytics 1.1 // Journal of the History of Philosophy. 1983. Vol. XXI. P. 8.

В чем особенность аристотелевского понимания индукции?

Индукция (и у Аристотеля, и сегодня) так или иначе связана с «обобщением». Аристотель различает два варианта «обобщения»: обобщение на основании *чувственного восприятия* и обобщение на основании *допущения*. Мы уже рассматривали этот вопрос в статье «Аристотель об *опыте* и *уме* во “Второй аналитике” II 19»²⁹. В качестве примера первого вида обобщения в *An. Post.* II 19 он рассматривает следующий ряд: «Каллий», «человек», «животное». В качестве примера второго вида обобщения в *Met.* I 1 он рассматривает следующее: «Каллию, страдающему вот этой болезнью, вот это снадобье помогло»; «Сократу, страдающему вот этой болезнью, вот это снадобье помогло»; и «так же каждому из многих»; «всем людям, страдающим вот этой болезнью, вот это снадобье помогает» (981a5-12). При обоих видах обобщения так или иначе происходит «переход» от единичного (Каллий) к универсальному (человек) (с логической точки зрения от единичного термина – к универсальному термину). В первом случае обобщение этим «переходом» и ограничивается, а во втором случае сначала делается допущение об эффективности того или иного лекарственного препарата в связи с единичным (Каллием), а затем (после «перехода» к универсальному термину) то же допущение делается в связи с универсальным термином (человеком). До сих пор существенной разницы между аристотелевским пониманием индукции и современным нет.

Однако Аристотель в отличие от современных специалистов называет индукцией (наведением - ἡ ἐπαγωγή) не только «переход» от единичного к универсальному, но и обратный «переход» от универсального к единичному (что современные специалисты иногда называют дедукцией). Дело в том, что аристотелевская силлогистика, как показал Я. Лукасевич, ограничивается посылками только из универсальных терминов (при этом термины могут быть универсальными в разной степени)³⁰. Все преобразования и выводы, предполагаемые аристотелевской силлогистикой, касаются только посылок, в качестве субъекта и предиката которых выступают универсальные термины. Всякий же «переход» (в обе стороны) между единичным (по числу) чувственно воспринимаемым предметом и универсальным термином (т.е. «переход» между «чувственно воспринимаемым» и «разумеющимся») Аристотель относит к индукции. «Индукция» – латинское слово. По-гречески Аристотель называет это познавательное действие «наведением» (ἡ ἐπαγωγή), т.е. «наведением» *универсального* на *единичное*. При таком «наведении» первичную роль в разных познавательных ситуациях может играть и *единичное*, и *универсальное*.

«Узнавание» сопряжено с индукцией в обоих направлениях: как при первом «узнавании термина», так и при последующих узнаваниях уже однажды «узнанного». Рассмотрим для примера термин «человек, страдающий вот этой болезнью». Допустим, нам уже ведомо: и «вот эта болезнь», и что «всем людям, страдающим вот этой болезнью, вот это снадобье помогает». Чтобы применить это знание, нам надо «узнать», а «вот этой ли болезнью» страдает данный человек, т.е. нам надо по тем или иным симптомам «узнать» заболевание данного человека. При этом имеется в виду, что вообще-то это заболевание нам известно, «узнать» нам надо в данном случае, присуще ли это заболевание именно данному человеку.

Во II части статьи мы уже приводили слова Э.В. Барбашиной, касающиеся английских переводов «Критики чистого разума» И. Канта: «В последних двух переводах, выполненных Плухаром, Гайером и Вудом, уже использовались соответствующие по смыслу разные английские слова *cognize* для *erkennen* и *know* для *wissen*. Все более сложные случаи, требующие разноаспектных комментариев или интерпретаций, оговаривались в дополнительных примечаниях». В случае с переводом γνῶριζεῖν как «узнавание» в текстах Аристотеля тоже есть «более сложные случаи», требующие особых «комментариев». Соглашаясь с Р. Мак-Кирэхэном в том, что Аристотель использует этот глагол в связи с ин-

²⁹ Орлов Е.В. Аристотель об *опыте* и *уме* ... С. 50.

³⁰ Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики / Пер. с англ. Н.И. Стяжкина и А.Л. Субботина. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959. С. 33-36.

дукцией, мы бы хотели обратить внимание читателя и на то, что Аристотель использует это слово не только в связи с индукцией.

В качестве примера «особого случая» рассмотрим фрагмент *An. Post.* A 1, 71a17-24:

Узнавать (*γνώριζειν*) же [можно двояко]: одно прежде узнав (*γνώρισαντα*), другое же – принимая вместе с познанием (*τὴν γνώσιν*), например, случайно сущие [вещи], под[чиненные] *кафолическому*, о котором [уже] имеется познание (*τὴν γνώσιν*). Ибо, что всякий треугольник имеет [углы], равные двум прямым, пред[варительно] ведал (*προῆδει*); а что *вот это*, в полукруге, есть треугольник, вместе с наведением узнал (*ἄρα ἐπαγόμενος ἐγνώρισεν*). (Ибо для некоторых этот способ изучения (*ἡ μάθησις*), и крайнее узнается (*γνώριζεται*) не через среднее, [а именно] единичное случайно сущее, т.е. [сущее] не на основании какого-либо подлежащего).

Истолкуем этот фрагмент. Что мы «узнаем» двояко? Во-первых, «прежде мы узнали», что «всякий треугольник имеет внутренние углы, равные двум прямым», во-вторых, уже при геометрическом построении (по ходу доказательства теоремы) мы «узнаем», что *вот это* в полукруге – треугольник. Во втором случае мы имеем дело с «узнаваем», сопряженным с «наведением» (индукцией), о котором у нас шла речь в данной части статьи. А вот в первом случае Аристотель употребляет глагол «узнавать» в смысле «знать»; речь в данном случае идет о «предшествующем знании». Вообще в данном фрагменте Аристотель употребляет словоформы, производные от *γνώριζειν*, четыре раза (два раза в 71a17 и по одному разу в 71a21 и 71a23). «Строго» этот глагол (в форме причастия) употребляется только в 71a21. В двух первых случаях (в 71a17), как мы уже отметили, он употребляется в связи с «предшествующим знанием», а в четвертом случае (71a23) – в связи с познанием «крайнего через среднее», т.е. и там, и там «узнаванием» названо «разумение». Однако из того факта, что Аристотель иногда употребляет слово *γνώριζειν* «нестрого», не следует, что мы вообще не должны различать у Аристотеля «познание» и «узнавание», как то предлагают М. Бёрнхит и Дж. Барнс, ибо в случае строгого словоупотребления «узнавание» у Аристотеля указывает лишь на один из вариантов «познания».

Итак, заканчивая статью, подытожим. Мы останавливаем свой выбор на следующих переводах: *γινώσκειν* - познавать (познание); *εἰδέναι* - ведать (ведение); *γνώριζειν* - узнавать (узнавание), быть известным; *ἐπίστασθαι* - разуметь, знать (разумение, знание); *ξυνιέναι* - понимать (понимание); *οἶμαι* - думать.